

УДК 882+393/395+397+914/919

DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.807-831

**ТЮРКСКИЙ СВОД ПРОХОРА КОЛОМНЯТИНА
В РЯДУ НАРРАТИВНЫХ ПАМЯТНИКОВ
КРЫМСКОЙ ТЕМАТИКИ XIV–XVII ВЕКОВ**

М.А. Козинцев¹, Н.В. Савельева²

¹ *Институт восточных рукописей Российской академии наук
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
m.kozintcev@mail.ru*

² *Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Российская Федерация
n.v.savelieva@inbox.ru*

Цель исследования: проанализировать жанрово-типологические и стилистические особенности повествовательных частей тюркско-русского словарного свода, которыми сопровождаются в тексте собственно словарные записи, и ввести, таким образом, новый источник в комплекс нарративных памятников крымской тематики XIV–XVII вв.

Материалы исследования: тюркско-русский словарный свод («Книга Элихв»), включенный в рукописный сборник («Цветник») черного попа Прохора Коломнятина 1668 г. (ГИМ. Музейское собр., № 2803).

Результаты и научная новизна: тюркский словарный свод, включенный в «Цветник» Прохора Коломнятина, представляет собой один из наиболее ранних памятников тюркской лексикографии, записанных кириллицей. Помимо записей лексических единиц и конструкций, он содержит пространные повествования о религии, географии и этнографии Крыма. Характер сообщаемых сведений позволяет предполагать, что автор словарного свода в течение некоторого времени проживал в Крыму, вероятнее всего, в качестве пленника, обладавшего определенным привилегированным статусом. Не имея возможности выехать за пределы Крыма, он черпал сведения, в том числе касающиеся других стран, из устного общения с местным населением разных национальных и социальных групп. Анализ содержания повествовательного материала свода позволяет говорить о том, что текст обладает своеобразием, но закономерно находит тематические и жанровые параллели с известными средневековыми нарративными памятниками крымской тематики.

Ключевые слова: лексикография, Крымское ханство, Прохор Коломнятин, пленники, путешественники, нарративные памятники, европейская традиция

Для цитирования: Козинцев М.А., Савельева Н.В. Тюркский свод Прохора Коломнятина в ряду нарративных памятников крымской тематики XIV–XVII веков // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 4. С. 807–831. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.807-831

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00200 А.

**PROKHOR KOLOMIATIN'S TURKIC DICTIONARY
AMONG THE NARRATIVE MONUMENTS FROM THE FOURTEENTH
TO SEVENTEENTH CENTURIES RELATED TO CRIMEA**

M.A. Kozintcev¹, N.V. Savelieva²

¹*Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences
National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation
m.kozintcev@mail.ru*

²*Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
n.v.savelieva@inbox.ru*

Abstract: *Research objectives:* To analyze the genre-typological and stylistic peculiarities of the narrative parts that accompany the actual dictionary entries of the Turkic-Russian dictionary, and thus to add a new source to the group of narrative monuments from the fourteenth to seventeenth centuries which pertain to Crimea.

Research materials: The Turkic-Russian dictionary ("Kniga Elihv") included in the manuscript miscellany ("Tsvetnik") that was compiled by the hieromonk, Prokhor Kolomiatin, in 1668. The manuscript is kept in the collection of the State Historical Museum (Muzeyskoe sobr., No. 2803).

Results and novelty of the research: The Turkic-Russian dictionary included in Prokhor Kolomiatin's miscellany is one of the earliest examples of a Turkic lexicography in the Cyrillic tradition. Along with the records of lexemes and word collocations, it contains lengthy narratives concerning religion, geography, and ethnography of Crimea. The nature of the information provided suggests that the author of the dictionary was living in Crimea for some time, most likely as a prisoner, although having a certain privileged status. Having little opportunity to travel outside the peninsula, he received knowledge, including information about other countries, from verbal communication with the local inhabitants made up of different national and social groups. Analysis of the content of the narrative material allows us to state that the text has its own degree of originality, although it naturally finds thematic and genre parallels with the well-known medieval narratives concerning Crimea.

Keywords: lexicography, Crimean Khanate, Prokhor Kolomiatin, captives, travelers, narrative monuments, European tradition

For citation: Kozintcev M.A., Savelieva N.V. Prokhor Kolomiatin's Turkic Dictionary among the Narrative Monuments from the fourteenth to seventeenth centuries Related to Crimea. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 4, pp. 807–831. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-4.807-831 (In Russian)

Acknowledgements: The work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 20-012-00200 A.

Туркско-русский словарный свод с названием «Сї́ѧ книга Элі(х)въ сїръчь Алѡави(т), преведенѡ с турскаго на словенскую рѣ(ч)» (далее – «Книга Элихв»), недавно обнаружен в рукописном сборнике («Цветнике»), составленном и подписанном в 1668 г. «черным попом Прохором Коломнятином» (ГИМ. Музейское собр., № 2803). Идентичность авторских подписей, совокупность ряда палеографических (сходство почерков) и текстологических

(содержание и особенности разных по времени сочинений) аргументов дают основание атрибутировать создание «Цветника» замечательному версификатору и педагогу «черному дьяку» (впоследствии «черному попу», иеромонаху) Прохору Коломнятину, автору стихотворного учебно-дисциплинарного пособия «Школьное благочиние» [22; 10, с. 48–51; 15, с. 283–316; 32, с. 54–57]. В составе рукописи среди статей нравственно-дидактической и аскетической тематики находятся несколько памятников лексикографии, в числе которых три словаря-разговорника, не известные в других списках и не имеющие кириллических аналогов, близких по лексическому ряду, хронологии и объему текста: тюркско-русский словарный свод (лл. 77–134 об.) [31, с. 468–552], карело-русский (лл. 177–185 об.) и коми-зырянско-русский (лл. 185 об.–188 об.) словари-разговорники [33]. Все словари, судя по тематике и единству изложения, записывались самим составителем сборника в разное время со слов носителей языков и отражают, таким образом, живую речь XVII века. При помещении текстов в состав «Цветника» записи были отредактированы и приведены к единому оформлению.

Тюркско-русский словарный свод – самый значительный по объему и содержанию памятник лексикографии в сборнике Прохора Коломнятина. Время его создания можно указать достаточно точно: верхняя граница определяется проставленной в рукописи датой (1668 г.); нижняя – упоминанием в тексте крымского калги Шахин-Гирея «ёго́же ўби тўрскїй царь» (л. 121)¹. Таким образом, записи велись после 1641 г., когда Шахин-Гирей был убит по приказу османского султана Ибрагима I, окончательная работа над сводом завершилась не позднее начала 1668 г. Основу свода составляет лексикографический материал (около 3000 лексем), записанный по тематическому принципу. Семантические группы слов изложены в 33-х главах: в начале следуют разделы духовно-религиозной тематики, затем лексика, обозначающая части тела человека, названия родственных отношений, одежды, дома и дворовых строений, кухонной утвари и пищи, животных и растений, рыб, птиц, скота, разного рода работ и рабочих инструментов; завершается свод названиями цифр. В словаре отражен фонетический принцип записи слов и выражений, а также названий объектов местности – рек, городов, личных имен. Особенности записей, полностью переданных кириллицей, иногда с явными ошибками и нарушением деления синтаксических конструкций, свидетельствуют о том, что автор не имел дела с письменными источниками на восточных языках (в данном случае – арабском, османском и крымскотатарском) и этими языками не владел. В своде представлен средний диалект крымскотатарского литературного языка периода османского влияния. Лексический состав словаря наглядно демонстрирует характер языка, который, одновременно с крымскотатарским этносом, активно формировался в XVI в., т. е. примерно за столетие до времени составления памятника. Уникальный лексикографический материал свода Прохора Коломнятина – новый источник по изучению языка крымских татар, источник, который требует особого многоаспектного исследования. Задача нашей статьи – проанализировать жанрово-типологические и стилистические особенности повествовательных частей свода, которыми со-

¹ Здесь и далее текст цитируется по списку – ГИМ. Музейское собр., № 2803. При цитации воспроизводятся все буквы и надстрочные знаки рукописного списка, номера листов рукописи указываются в тексте в скобках.

проводятся в тексте собственно словарные записи, и ввести, таким образом, «Книгу Элихв» в комплекс нарративных памятников крымской тематики XIV–XVII вв.

Как отмечал В.Д. Смирнов, «тесные соприкосновения Крымского ханства с окрестными народами – турками, русскими и поляками – оставили следы в документальных памятниках, накопившихся в большом обилии на языках всех этих народов» [34, с. iv]. Оставляя за скобками данные собственно крымской мусульманской историографии, отметим, что сведения о Крыме периода османского влияния закономерно не ограничиваются свидетельствами документальных источников только на названных языках и вместе с интерпретациями культуры народов, населявших полуостров, могут быть почерпнуты из литературных памятников европейской и славянской традиции. Круг таких текстов вполне очерчен, большая их часть известна и опубликована, в том числе и в русских переводах, еще в XIX в.² Тем не менее, интерес к этой теме не прекращается и побуждает к новым осмыслениям подобного рода источников³.

Основную массу наиболее известных нарративных текстов в обозначенных нами хронологических рамках (до конца XVII в.) можно отнести к нескольким группам по типу, жанровым особенностям и тематике изложенного материала. Первую группу составляют описания путешественников, выполнявших разного рода религиозные миссии, совершавших паломничества и миссионерские поездки. Самые ранние записи принадлежат монаху-минориту Гильому Рубруку (ок. 1220 – ок. 1293), который был направлен в Монголию французским королем Людовиком IX с целью переговоров о заключении военного союза крестоносцев [28, с. 65–88]; сюда же следует отнести сочинения монахов доминиканского ордена, миссионеров Дортелли д'Асколи (кон. XVI – 1-я пол. XVII в.) и Жана де Люка (сер. XVII в. – ок. 1634) [26; 24]. К этой же группе можно причислить очень важные и подробные записи османского путешественника Эвлии Челеби (1611 – ок. 1682), сорокалетние путешествия которого по миру также начинались с паломничества по мусульманским святыням. Его многотомная «Книга путешествий» включает и описания Крыма, где он побывал в 1666–1667 гг. [9, с. 18–22; 42].

Отдельную группу составляют описания военных, как правило, побывавших в крымском плену. Это самая открытая и разноплановая группа источников. К европейским описаниям такого рода относятся, прежде всего, записи 1394–1427 гг. баварского солдата Иоганна Шильтбергера (1381 – ок. 1440) [29]. Упомянем здесь также текст, который вошел в научный оборот под названием «Записки янычара» («Хроника о турецких делах Константина, сына Михаила Константиновича из Островицы раца, который был взят турками среди янычар») [11]. Хотя в нем не отражены непосредственно крымские реалии, но многие затронутые здесь темы (описания военных действий, сведения о мусульманстве и истории турок) сближают это повествование, ядро которого возникло, предположительно, на рубеже XV–XVI вв., с крымскими нарративами. Сохранилось большое число челобитных и отписок

---

² Замечательным вкладом в историографию этого вопроса стало издание Хрестоматии, в которой представлена значительная часть сохранившихся нарративных источников по истории и этнографии Крыма [41]; там же помещена обширная библиография по теме.

³ Назовем, в частности, две весьма полезные работы, опубликованные на страницах «Золотоордынского обозрения» [39; 40].

крымских полоняников, преимущественно славян, которые хранятся в российских архивах [4, с. 17–23; 16, с. 241–257; 25, с. vii–xi; 35, с. 72–80]. К этой группе источников примыкают и созданные в Московии литературные памятники, облеченные в подобную документальную форму («Челобитная Василия Полозова» [3, с. 257–272; 17, с. 11–18], «Слово о некоем старце» [18; 30, с. 66–80]). Заметки по географии и этнографии Крыма можно найти в описаниях купцов, путь которых в восточные страны лежал через эти земли, например, в «Хождении купца Федота Котова в Персию» [38].

Самую многочисленную и наиболее ценную по объему представленных сведений группу составляют описания ученых путешественников, предпринимавших свои поездки по определенным поводам (дипломатия, торговля), но при этом руководствовавшихся в своих наблюдениях познавательным, научным подходом к изучению крымского быта и культуры. Этот ряд следует начинать с описаний Ибн Баттуты (1304 – ок. 1377) – берберского мусульманского ученого и путешественника [36, с. 278–314]. Сюда же следует отнести описания знатного венецианского купца и дипломата Иосафато Барбаро (1413–1494) [1, с. 137–157], сочинение дипломата и литовского гуманиста Венцеслава Миколаевича (ок. 1490–1560), секретаря польского короля Сигизмунда II Августа, известное как полемический трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян» Михалона Литвина [21], труд Мартина Броневского (1-я пол. XVI – нач. XVII в.) – польского дипломата, посла короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед-Гирею (1594 г.) [23]. К этой же группе источников следует отнести небольшие заметки о Крыме американского авантюриста и путешественника Джона Смита [39] и «Описание Украины», составленное французским инженером, математиком, архитектором и топографом Гийомом Левассёром де Бопланом (ок. 1595–1673) [7]; завершить этот ряд в обозначенных нами хронологических пределах следует внушительным по объему материалом описанием голландского политика, предпринимателя, ученого-картографа Николааса Витсена. Его обширный труд «Северная и Восточная Тартария» основанный на записях 1660-х годов, впервые вышел в свет в 1692 г. [8].

Каждая из этих групп памятников имеет свои жанровые и тематические особенности, соответствующие роду занятий авторов записей, хронологии и культурно-историческому контексту, в который вписывается каждое сочинение. Записи паломников и миссионеров, как правило, затрагивают все стороны жизни и быта описанных ими земель и их насельников, эти рассказы изобилуют наиболее полным и детальным изложением увиденного. Повествования, связанные с военным делом и пленом, закономерно уделяют особое внимание описанию войска, снаряжения, оружия, военной стратегии и военного быта. Здесь же приводятся сведения о положении пленных, в том числе о возможности сохранения ими своей религиозной идентичности. Рассказы, записанные славянскими пленниками, совершившими удачный побег, как правило, сопровождаются описанием тех мест, которыми пленник возвращался домой; неизменным атрибутом этого вынужденного путешествия, как видно из описаний, становится паломничество в Святую Землю с соответствующим рассказом об этом событии. Нарративы этой группы основаны преимущественно на личном восприятии реалий крымского мира. Авторы подобных записок представляются очевидцами описанных событий, а о событиях более ранних рассказывают, как правило, опираясь на народные предания.

Сочинения последней, самой многочисленной группы европейских источников, характеризуются академическим подходом к изложению материала и использованием в описаниях сочинений античных авторов и трудов средневековых современников и предшественников. Включение этих источников в текст может быть маркированным или немаркированным. Так, прекрасным примером последнего варианта служат записки английского авантюриста начала XVII в. Джона Смита, который приводил в своей работе сведения, описанные другими путешественниками (Уильямом Биддольфом, Энтони Дженкинсоном, Гильомом Рубруком, Мартином Броневским); эти материалы предоставил ему первый издатель его записок Самьюэль Пёрчас [39, с. 155–156]. С другой стороны, масса источников, прежде всего изданных, но также и устных, которые включены в компендиум Николааса Витсена, всегда маркированы им, а границы этих вставок каждый раз обозначены [8, т. 2, с. 705–770].

Несмотря на разницу в хронологии, этническом и социальном статусе авторов повествований, во всех записках в той или иной степени отражены история, география, этнография, религия Крыма; все повествователи обращают внимание на те особенности крымской культуры, быта и обихода, которые выступают определенными символами своеобразия этой экзотической для путешественников земли. К ним относятся непривычные для европейцев особенности местной кухни: изготовление кумыса, употребление в пищу конины и способы ее приготовления; все стороны быта, связанные с коневодством и военным делом как непременным атрибутом жизни крымского общества; местные обряды, связанные с главными событиями в жизни человека (рождение, бракосочетание, смерть); местные религиозные, прежде всего мусульманские, обряды. Описание ислама – непременная часть каждого нарратива, не только европейских путешественников, но и авторов-мусульман, которые обращают внимание на точность и обязательность исполнения тех или иных ритуалов и предписаний ислама. Эвлия Челеби на протяжении всего повествования обращается к описанию мусульманских святынь и служений, а, например, в рассказах о крымских высших сановниках [42, с. 76–95] подчеркивает всякий раз ревностное исполнение ими мусульманских обрядов.

Тюркский свод инока Прохора Коломнятина формально не может быть соотнесен ни с одной из этих групп источников и в то же время обладает чертами, сближающими его с многими нарративными текстами. Свод представляет собой прежде всего памятник лексикографии и вполне соответствует русским сочинениям этого жанра с присущим им синкретизмом [13, с. 17–18; 14, с. 209, 260]. Составители записок о Крыме, как правило, не говорили на местных языках. Исключение здесь составляют европейцы Дортелли д'Асколи, который был хорошо подготовлен к миссионерской деятельности в Крыму, поскольку владел греческим, турецким (а, следовательно, и татарским), армянским языками, – т.е. как раз теми языками, которые были распространены среди городского населения Крыма, – и отчасти его преемник на посту префекта Кафы, монах Доминиканского ордена Жан де Люк; возможно, на каких-то восточных языках мог изъясняться русский купец Федот Котов. Кроме того, тюркские языки закономерно были близки Эвлие Челеби и Ибн Баттуте. Тем не менее упоминания о языке (языках), на котором говорят жители Крыма и ближайших к нему местностей, в той или иной степени присутствуют почти во всех нарративах. Так, например, Иоганн Шильдбергер пыта-

ется представить сведения о языке турок через перевод их молитв – пользуется приемом, в дальнейшем некоторое время распространенным среди ученых-языковедов [2, с. 281]; перевод нескольких религиозных терминов приводит в седьмой главе своих «Записок» Константин Михайлович [11, с. 43]. Федот Котов завершает свое повествование записями числительных (от 1 до 1000) по-турецки, по-персидски и по-грузински, а также названий арабских букв [38, с. 59]. Татарские фразы, предложения и диалоги, изображающие бытовые стороны жизни общества, включает в свои записи Эвлия Челеби [42, с. 99–100]. Самый большой по объему лексикографический раздел – 530 слов, записанных латиницей в алфавитном порядке, и двухстрочное стихотворение на крымскотатарском языке, содержит описание Николааса Витсена [8, т. 2, с. 720–728; 43, с. 107–172]. Однако эти сведения о языках Крыма, в том числе лексикографический раздел Николааса Витсена, имеют совсем иную жанровую природу, нежели труд Прохора Коломнятина; они представляют собой лишь дополнения к рассказам о местных обычаях, прежде всего, связанных с религией, или иллюстрации к размышлениям о местных этносах и языках.

Лексический материал составляет основу тюркского свода Прохора Коломнятина, семантические группы слов фактически заменяют обязательные для всех сочинений разделы, описывающие одежду и питание, ремесла, сельскохозяйственные работы и коневодство, флору и фауну Крыма, в том числе культурные растения и злаки. Лексика всей этой тематики приведена в соответствующих главах словаря (9. «О порта(х)»; 11. «О снѣ(д)ны(х) брашна(х)»; 12. «О дворóвы(х) строёнй»; 13. «О питѣ(л)а(х) ѝ о посуде»; 14. «О птицахъ ѝ звѣре(х)»; 15. «<О> Овоца(х) ѝ огоро(д)ны(х)»; 16. «О садо́вны(х) ѝ овоца(х)»; 17. «О работны(х) рѣче(х)»; 18. «О рукодѣ́л(л)а(х)»). Таким образом, словарь, который помимо собственно лексических единиц приводит парадигмы отдельных слов, словосочетания и диалоги, достоверно отображает быт и повседневную жизнь крымского общества. В своде нет описаний внешности представителей местных народов, но соответствующие разделы словаря (главы 6–8: «О со́ста́вѣ чело́вѣчесте(м)»; «О ско́рбе(х)»; «О родосло́вй») фиксируют названия частей тела и понятия оценки красоты и привлекательности человека, его одежды, обуви, его нрава и характера, отношений в обществе (дружба, любовь, вражда), в том числе самые потаенные и «неудобные» стороны жизни человека, выраженные через включение в словник разговорных, «грубых» понятий – сексуальных отношений и естественных отправления человека, названий половых органов. Точно также в своде почти нет описаний татарского войска и военного искусства крымских и ногайских татар, которому уделяют большое внимание европейские повествователи, в том числе купцы и монахи, но есть специальные главы в словаре (например, главы 10. «<С> ка́за́нйе ѝ ца(р)ски(х) чина(х)»; 20. «О вопро́сны(х) рѣче(х)» и 21. «О нужны(х) рѣче(х)»), свидетельствующие о том, что военное дело хорошо было знакомо составителю свода и, что он сам, судя по всему, имел к нему отношение. Здесь приводятся не только названия оружия, воинских званий, родов войск, но и бытовая лексика, фразы и диалоги, описывающие воинский стан, приготовление пищи на биваках, питание и ночлег воинов:

«Куньма ѝ замáнь бульдү – (т) ночева(т) порá ста́витца.

О́ть я́къ – (т) о́гнь кла́ди.

О́ть ча́къ – (т) о́гню вѣсеки.

’Оту́нь кетёръ – (т) дрóвь принеси.

Щербá пышерейкъ – (т) кáшу вари.

’Ать’ерьлè – (т) ко(н)’осѣ(д)лáй» и др. (лл. 101–102, 115 и др.).

Помимо собственно лексикографического материала свод содержит разные по объему, нередко весьма обширные, повествовательные вставки. Иногда они служат более полному толкованию или иллюстрации приведенных лексических единиц. Примером такого повествования может служить обширная вставка нарратива при толковании слова «Зетѣнь»: «’ягоды вельми бѣлы, расту(т) нá древѣ, внúтьрь ё̀а́ ко́сть. Егда́ человѣкъ снѣсть ’яго(д)у, ꙗ́ ко́сть внúтьрь ѐго́ ꙗ́зное(т). Тúrки сказую(т) о́ почíне дрéва сегò сѣце...» (лл. 107 об.–108); и далее на лл. 108–109 приводится текст местного варианта апокрифа об Иисусе Христе и красильщике, сюжет которого, оформленный здесь как дендрологическое предание о масличном древе, восходит к одному из рассказов «Арабского Евангелия детства» [31, с. 492–493, 525; 44, с. 192–193]. Но основная часть повествований помещена составителем свода в соответствующие по тематике главы «Книги Элихв». Многие тексты непосредственно касаются Крыма и сопредельных территорий, а также Османской империи, причем, особенности их содержания указывают на то, что составитель свода записывал изложенные сведения отчасти с чужих слов. В отличие от большинства авторских нарративов европейской традиции, повествовательные вставки свода, при всем обилии и разнообразии приводимых сведений, не содержат прямого указания на личность и род занятий автора «Книги Элихв». В то же время, его внимание к военной бытовой тематике, определенные указания на жизнь и занятия людей из придворных кругов, осведомленность в условиях жизни и быта послов и посольских служащих позволяет предположительно отнести его к статусному военному сословию, и отметить имеющиеся у него навыки приказной, канцелярской работы. Так, в последней главе «Книги Элихв» приводятся татарский перевод числительных от одного до тысячи и указаны некоторые денежные единицы; в гл. 20 (л. 116) приводится точный размер дани, которой облагаются греки («40000 златы(х) червóны(х) со все(г) грéческаго царьства») и соотношения денежных единиц («Златой червóнной цѣною 10 ’алты(н). Простой червóнной цѣною 6 ’алтынъ 4 дѣньги. Срэбреникъ цѣною рúбль»). Все это также указывает на возможное исполнение составителем свода каких-то канцелярских обязанностей. Вполне уверенно можно сделать заключение о том, что он лично находился в Крыму, очевидно, в статусе привилегированного пленника, но, судя по всему, не посещал ни одну из других названных в своде территорий.

В нарративных частях свода представлены сведения о религиях, географии и гидрографии Крыма, этнографические заметки.

Религии Крыма и некоторые сведения об этнографии. Тот факт, что составителем записей мы признаем человека, совершившего впоследствии постриг и посвятившего себя монашескому служению, в какой-то степени объясняет его особое внимание к вероисповедальным традициям Крыма. Этой теме отведена самая значительная по объему часть нарративного материала свода. Сведениям религиозного характера посвящены первые пять глав «Книги Элихв», в этих повествованиях переплетаются личные восприятия писавшего с известиями, почерпнутыми из рассказов «информантов» разного социального статуса, этнической и религиозной принадлежности. Свободно-

му наблюдению за исполнениями обрядов разных религиозных общин и в то же время возможности отправлять богослужение по православному обряду способствовала относительная лояльность крымских владельцев к вероисповеданию своих пленников, о которой свидетельствуют источники [17, с. 8–9]. В своде достаточно подробно описываются ислам и армянское христианство, приводятся краткие заметки о греческой церкви.

Информация об исламе охватывает различные аспекты мусульманского вероучения и ритуальной практики: молитва, пост, праздники. Первая глава открывается воспроизведением главных молитв мусульман и изложением основ веры: «Турки і татарове вѣрую(т) во О(т)ца і Святаго Духа, вмѣсто Сына Божіа Магмета пр(о)рока ісповѣдую(т)» (л. 80). О посте, представления о котором у автора весьма путаны, сообщается следующее: «Турки і татарове поста́тса ме(с)яць еди́нь в году, по премѣнѣнію месяць, і в по́сть ходать к мечѣти молитвы дѣла, ѹмыва́ю(т) руки до лакотѣ, но́ги до колѣну, лице́ і ше́ю і оба́ сра́ма⁴. <...> Турки і татарове по постѣ́ восхода(т) на́ гору высоко́у і та́мо мо́латса, на колѣну припа(д)ши, прежена́писанными моли́твами, послѣ́ди соверша́ю(т) і сѣдѣ́ніе круго(м), і сше(д) з горы́, закала́юť вса́ко живо́тно, і вари(в), вкуша́ю(т) і даю(т) нищимъ» (л. 84 об.)⁵. Сведения о посте перемежаются с описанием дервишеских радений: «Саду(т) попы́ кру́го(м) і гуду(т) мно́гое вре́мя: гу́ гу́ гу́ гу́. По́ времени же́ еди(н) от ни(х) по́пъ ла́же(т) в сре́дине, і вси на(д) него́ рѣ́ющеса непосту́пно, гуду(т) ча́сто гу́ гу́ гу́ гу́». (л. 82 об.–83). В повествование включено также описание интерьера мечети: «У ту́рковъ і тотаръ мечѣ́ть по́просту, ѹкоже́ і пола́та, стѣ́нное писмо́ ша(х)маты іспіса(н), в стѣ́на(х) шайда́ны і свѣ́щй горж(т). Око́шко вели́кое на по́лдни, і ту(т) свяще́нники слѹ́жбу соверша́ю(т), мо́латса, на колѣну припа(д)ши, пре(ж)на́писанною моли́твою на по́лдни, кла́наются вку́пѣ. По́верх мечѣ́ти ме(с)яць вмѣ́сто кре(с)та Господна, быва́емаго на церкви ѹ́ греко(в)» (л. 80 об.–81)⁶. Это описание, так же как и рассказ о молитвах мусульман, составлено, несомненно, на основе личного наблюдения писавшего, но другие сведения об исламе, приведенные в своде, явно испытали влияние толкований и интерпретаций его «информантов».

Во 2-й главе своего повествования, которая называется «О бусурманствѣ сирѣчь ѡ креще(н)», он приводит описание обряда обрезания, который считает необходимым условием принятия ислама:

---

⁴ О ритуальном омовении упоминают многие путешественники. Например, о нем пишет Иоганн Шильтбергер, толкуя этот обряд аналогией с христианским исповеданием: «Проведший ночь с своею женой, должен, до входа в храм, омыть даже все свое тело, дабы считаться чистым, подобно христианину после исповеди с покаянием у священника» [29, с. 95].

⁵ В отличие от автора словарного свода, русский купец Федот Котов, четко различает праздники *курбан байрам* и *ураза байрам*; он также говорит о том, что мусульмане постятся один раз в год, в месяц рамазан, и указывает на добровольный характер поста. Месяцем поста у него назван июнь или июль [38, с. 48]. Составитель «Книги Элихв», живший среди мусульман более долгое время, в этом вопросе более точен, т. к. сообщает о перемещении праздничной даты в разные годы, хотя никак более этого не поясняет. Иоганн Шильтбергер называет праздник *курбан байрам* «второй Пасхой» [29, с. 97].

⁶ Более подробный рассказ об устройстве мечети, правилах поведения мусульман и содержании проповедей приводит, например, Константин Михайлович [11, с. 38–39].

«Турки і татарове `обычай ім'ю(т)ò бусурманствѣ сїце. Хоташіи о(б)рѣзатиса приході(т) к попу і сказуе(т) помысль свой, егоже ради прише(л). Приведе егò на потрібное мѣсто, і взимает(т) повелѣвший нòжъ і отрѣзает(т) срама малую часть, по́пъ же взимает(т) о(т) сосуда персто(м) свои(м) смѣсу с патокою смѣшеного, чернь бо видомъ, і влагает(т) обрѣзавшемуся во уста. І поведу(т) егò задо(м), і положи(т) на постѣлю, і о(т)носа(т) во храмину. Босурманство же бывае(т) в во(з)растѣ лѣ(т) въ 15 і въ 20, нѣцыи (ж) въ 30 лѣ(т) босу(р)ма(н)ство пріемлю(т). Тѣ же урѣзанныя части суша(т) і, исто(л)кши, мѣшаю(т) с патокою, і даѣтся сїе вмѣсто причастїа. Босурманство (ж) пріемлю(т) во всяко(м) мѣсте, молитву по обрѣзании точію єдиною проговори(т): `Алла(г) ікѣе(р)» (л. 85 об.–86)⁷.

Сопоставление обряда обрезания с крещением в христианстве, которое подразумевается в этом описании, несомненно, имеет библейские корни и продиктовано символикой обряда в иудейской традиции⁸. Сведения же об использовании «урезанных частей» в приготовлении состава для некоего подобия евхаристии обнаруживают явные следы устного народного толкования, происходящего из среды пленников-христиан.

В 5-й главе свода записан подробный рассказ о пророке Мухаммаде. Примечательно описание смерти Мухаммада и падения его гроба в некую пропасть, которая, по сведениям автора, почитается у мусульман, наряду с Гробом Господним, святым местом⁹. В рассказе о смерти и погребении пророка Мухаммада, в изложении сюжета о висящем гробе пророка, бытовавшем в разных словесных культурах [19, с. 55–70], и в трактовке этого сюжета присутствует очевидное смешение нескольких традиций и мотивов. Приведем текст рассказа полностью:

«Магметъ поїгомбѣрь живаше на полуденной странѣ, на мѣсте, нарицаемъмъ Ёсмань. Тò бо нарицаѣтсѣ первая ту(р)ская столица до плѣненїа греческаго царства. О(т)стойй о(т) Гѣру(с)алима, яко(ж) і о(т) Царяграда до Гѣру(с)алима. Сѣй ўбо Магме(т) волшвенїемъ нѣкои(м) не пре(д) многи(м) вѣремене(м) проразумѣ себѣ смерть. І ра(з)мышляше в себѣ, глаголя: Како ўбо і кою хитростію сотворю, яже бы і премудростию > славимъ бѣлѣ

⁷ Подобного же мнения о значении обрезания придерживается и Федот Котов: «А персы и кизылбаши зовутца бусорманы, потому что у мужского полу обрезают срамные уды их попы. И как отрежут конец плоти и тое плоть низает на нить и держит у себя на вороту!» [38, с. 55].

⁸ Николаас Витсен неоднократно обращается к теме происхождения этносов, населявших Крым, от древних евреев, аргументируя этот тезис, в том числе и обрядовым значением обрезания в исламе [8, т. 2, с. 705, 709]. Эвлия Челеби, отмечая признание в исламе основных ветхозаветных книг (о них говорит и Прохор Коломнятин в специальной гл. 22 «Сказанїе о книгах(х) ту(р)ски(х)» (л. 119 об.)), называет евреев, проживающих в Крыму, неверными и с ироничной негативной оценкой рассказывает о местных иудеях – караимах [42, с. 43, 60, 90]. На сходство иудаизма и ислама, который «напоминает иудаизм (judaismum) и несторианскую ересь (haeresim Nestorianum)» обращает специальное внимание Михалон Литвин, при этом на протяжении всего своего повествования он приписывает ветхозаветные цитаты и реминисценции Священному Писанию мусульман [21, с. 71, 74].

⁹ Упоминание «Магметовой пропасти» встречается в других сочинениях русских паломников, например, в «Хождении» священника Иоанна Лукьянова, где о ней говорится следующее: «А на турецкихъ голенахъ бываетъ человекъ по 1000 и по 900 служивыхъ. Передъ нашимъ приходомъ пошла голень турокъ к Махметовой пропасти да вся и пропала: громомъ побило, три дни над ними тма стояла – толко человекъ остался» [37, с. 46–47].

всѣми. Умысливъ же сотворѣти себѣ гро(б) мраморень, занѣже покоренъ бѣ. Дно ѹ гроба сотвори о(т) аспида чѣста, понѣже вышша мрамора і внутрь земли не терпи(т) быти мно́го, но ісходитъ. По времени же сему Магмету ра(з)болѣвшуся, і послѣднее знаменіе показа народу: простѣр десную свою руку на небо і постави прѣмо ме(с)яца і вообразиса рука Магметова в ме(с)яцѣ, бѣ бо, повѣдую(т), о(т) сотворѣніа ме(с)яца гладокъ і свѣтель бѣ, по Магметовѣ же знаменій знак бѣ в ме(с)яцы. По малѣ(х) же дне(х) і животѣ ему го(н)знувшу, і во гробѣ мраморень положиша єго чѣстно і в мечѣти по обычаю погребѣша єго. По малѣ же времени ізыде из земли гро(б) Магметовъ і стѣ на во(з)дусѣ, ники(м)же о(т) человекъ видимо держи(м). І промче(с) повсюду слава о немъ, і бысть радость велиа ѹ всѣ(х) турко(в) о се(м). Царь же, і вельможи, і всенаро(д)ное мно́жество чѣсто приходѣше молитвы ради. Слышав же о проявленіи грѣцы, яко в поганской странѣ Бога Вышнаго ѹго(д)никъ явиса. Подобѣе(т) бо Божію ѹго(д)нику быти в насъ, грѣцѣхъ, і от насъ славному быти, – сѣе глаголаше невѣденіемъ. І абіе о(т) нѣкои(х) турковъ ізвѣстнѣ разумѣвше куплю дѣющій, яко Магметъ по смерти проявиса. Всі бо грѣцы слыхали Магметово волшве(н)е і разумѣвше, яко бѣсовски(м) дѣйство(м) быша сѣа проява, а не Божіймъ промысло(м). Начѣ ѹбо о(т)сюду грѣцы помышлѣти, како бы нейстовая слава и соблазнъ вѣрующи(м) въ Бога ѹтолити і волшвеніе Магметово істнѣти. Нѣцыи же о(т) грѣкѣ яша(с) того вудѣлу, взѣмше жестокаго чеснокака і истнѣвъ, намазавъ гро(б) Магметовъ. І абіе о(т)ступльше держѣщїи гро(б) єго бѣсове, не терпѣше обонѣніа жестока(го) чеснокака, ібо о(т)ступленіемъ и(х) мечѣть всѣ ра(з)сыпаса, і гро(б) Магметовъ до а́да сніде. Смара(д) же ісходи(т) о(т)туду и до се(го) дне. Мѣсто же то нарицѣется Магметова пропастъ. Прихода(т) же к той пропастѣ турки молитвы ради і в ту пропастъ сыплю(т) ладону возовъ по пати, і по шти, і по десѣти. Из низу входит во учине(н)ное окно еди(н) человекъ і тамо угліе горяче влагае(т), і снізу учинѣнными о(т)дѹхи ра(з)дымаю(т) огнь, і ладо(н), ра(з)горѣвса, поражае(т) лютый той смара(д). І в то время твора(т) молитву, і по скончаній о(т)хода(т) койждо восвоѣ сѣ» (лл. 89 об.–92 об.).

Очевидно, что легендарные сведения, записанные автором «Книги Элихв», не могли быть почерпнуты в среде мусульман, но, как представляется, могли бытовать в народном представлении христианского населения Крыма, в том числе пленных христиан-европейцев¹⁰. При редактировании первоначальных записей составитель свода явно опирался на известный ему рассказ о гробе пророка Мухаммада из Русского Хронографа: пророчество Мухаммада о смерти, предсмертное знамение, мраморный гроб, бесы-служители, поддерживающие гробницу, смрад, исходящий из «Магметовой пропасти» – все эти детали сюжета отразились в статье Хронографа, которая, в свою очередь, представляет собой пересказ фрагмента Путешествия Людвиг Римлянина 1493 г., то есть восходит к той же западноевропейской паломнической традиции [12, с. 178–

¹⁰ По вопросам, касающимся религиозных предписаний, биографии пророка Мухаммада и истории ислама Иоганн Шильтбергер, несмотря на нередкие искажения, тем не менее приводит заметно более полные и точные сведения. К примеру, в гл. XLVIII он указывает, что место погребения Мухаммада находится в Медине [29, с. 97]. Константин Михайлович, приводя народные сведения о кончине Мухаммада, тем не менее также говорит о том, что пророк был похоронен в Медине [11, с. 37].

180; 27, с. 935–936]. Но в рассказе инок Прохора Коломнятина акценты расставлены несколько иначе, чем в рассказах паломников-христиан. С некоторой иронией, например, обрисована позиция греков, возревновавших к чудесам, сотворенным Мухаммадом, и намазавших гробницу чесноком, от которого и происходит смрад. В то же время, известие о совершении некоей обрядовой молитвы мусульман над могилой, которым завершается рассказ, возможно, услышано от турецких или татарских паломников¹¹. Таким образом, изложенный сюжет представляет собой компилятивный, собирательный комплекс представлений о кончине пророка, его чудотворениях и его посмертном почитании, что еще раз подчеркивает смешение источников составителя тюркского свода и многообразие культурно-исторических традиций разных групп населения, с которым он контактировал, находясь в Крыму.

Рассказ о вероисповедании мусульман, как и весь нарратив свода в целом, выдержан в нейтральных тонах, не имеет каких-либо оценок и обличительных суждений. Лишь однажды составитель заявляет о своей позиции православного христианина: в третьей главе свода он приводит записанные от мусульман рассуждения об Иисусе Христе и только в этом случае включает в повествование полемический пассаж, излагая основы христианства по тексту Символа веры:

«Ісаіа поігомбѣрь – сіце называе(т) Господа на́шего Ісуса Хри(с)та, а́ Бого(м) егò не нарицаю(т), глаголю(т) сіце: Ка́ко `емү́ Богу́ бы́ти, Богъ по землѣ не ходилъ, развѣ́ еже наро(ду) еди́ною я́вѣса, да́а зако́ны. ꙗ́ протѣ́ву сегò на́шь хри(с)тѣ́янский о(т)вѣ́(т): Богъ хота́ свободѣти ро(д) челове́ческой о(т) клáтвы зако́нна, посла́въ Сына своѣгò еди́норо(д)наго, и воплотѣ́са о(т) чѣ́стыа Дѣ́вы Марѣ́и на́шего ра́ди спасе́нїа, і́ обрѣ́заса по зако́ну Моїсе́ову, таже кре(с)тѣ́са, по землѣ ходи(л) 3 го́ды 6 ме(с)яцовъ, послѣ́ди о(т) ю́деѣ ра́спа(т) бы́сть, і́ в трѣ́тїй день воскресе́ из мертвы(х), і́ въ 40-й день во(з)несеса на небеса́ і́ сѣ́де о́десну́ю О(т)ца. Тү́рки і́ татáрове глаголю(т): Богъ еди́нь, дѣ́тѣ́и нѣ́сть у́ негò, на землѣ послати нѣ́ково. А́са́ю зна́ем, о(т)ца і́ матерѣ, пр(о)рокъ бо е(с) і́стинный, а́ не Богъ» (л. 88–88 об.).

Точно также беспристрастно он говорит об армянской церкви, определяя ее как униатскую. Примечательно, что автор не делает осознанного различия в изображении ислама и армянской религии, как религии христианской: рассказы о культовых сооружениях и служении мусульман и армян следуют, сменяя друг друга, в едином повествовании. Воспитанный на православной традиции, порицающей армянскую церковь как еретическую [5, с. 112–119], составитель свода попытался кратко выразить свое представление о вероучении армян утверждением, что «Урма́не вѣ́рую(т) во Сѣ́ца і́ Сына, Духа же Свята́го не і́сповѣ́дують» (л. 80 об.), поставив тем самым монофизитство в один ряд с учениями антиринитариив¹². При этом он достоверно указал на

¹¹ Тема мусульманского паломничества также отмечена составителем свода, который обратил внимание на особое почтение местных жителей к этим людям: «Обы́чай і́мбю(т) называ́ти сватѣ́ми лю(д)ми, ко́торыа́ быва́ли во Іеру(с)али́мѣ у́ гроба Господна́ і́ у́ Магме́товы пропа́сти» (л. 89–89 об.).

¹² Иоганн Шильтбергер, говоря о религии армян, хотя также приводит в основном легенды об обращении их в христианство, тем не менее в самом начале гл. LXIII указывает: «Армяне верят в Троицу» [29, с. 111].

различия в реалиях служебной практики и церковного обихода, отмеченные при описании армянского храма и литургии, которые, несомненно, видел сам:

«Урмáнь въ юній пре(д) олтаре(м) трѣ ступѣни с вѣступны(м) мѣсто(м), вмѣсто олтарныа стѣны – завѣса чре(з) всю церковь полотнааа. Попъ святаа іс потѣра ѣмле(т) рукою, наро(д) причащае(т), на нѣжней ступѣни стóл. Рѣзы і стихарѣ свѣше до долу нашѣто кре(с)та́ми. Во олтарѣ на пре(с)толѣ трѣ кре(с)ты: Господень в срединѣ, ра(з)бѣйничѣ по страна́мъ, Богородична ѡбрана́сть. На пре(с)толѣ Еуáн(г)еліе съ еуáн(г)елісты гла(д)кими в́ ред, і дѣже распáтіе Господне бывае(т), вмѣсто сегò чернѣло(м) кре(с)т по́просту написан. Егда людіе цѣлюю(т) Святòе Еуáн(г)еліе, в то́ врѣма пономáрь ра(з)дае(т) ѡпрѣсноки учиненѣ круглови(д)но, нѣски бо бѣ с напечатанны(м) зна́мене(м). В церкви ѡбразы Господни, і Богородичны, і уго(д)никовъ Божїи(х) яко(ж) і у грѣковъ. Кре(с)ть на себѣ воображаю(т), то́кмо трѣтіе рукоположеніе воображаю(т) на лѣво(м) плечѣ, послѣдї на правое. Кре(с)ть внúть церкви в нѣбе у урмáнь і у грѣковъ, понѣже во(з)бранно ѣмь о(т) турскаго цара на церква(х) поставлáти кре(с)ты собла́зна рáди турко(м) ... Урмáнь на херуви(м)ской пѣсни кади(т) попъ, каділо держи(т) за по(д)чáшіе, не махае(т) ѣмь, но, пре(д) собою) несучї, трáсе(т) с лáдоно(м). Дѣйко(н) послѣ(д)ствуе(т) і несе(т) двá сосúда подòбно блюдо(м), пáльцами по стру́на(м) переводї(т), і гла(с) ісхóдитъ вельмї умѣленъ, якоже нѣ мóчно умú человѣческу ізрещї. Настоящїй же попъ, о(т)вѣрзъ завѣсу, показуе(т) святаа люде(м) і глаголе(т), у престóла стóл, людіе (ж) паду(т) на колѣну, рука́ми по бѣрда(м) ѣмши(м), главу́ мáло наклóнше і пребывáю(т) тáко, дóндеже свещѣнникъ соверши(т) речѣнное» (лл. 81–82 об.).

Сведения этнографического характера, приведенные в тексте, напрямую связаны в интерпретации Прохора Коломнятина с вероисповеданием основного населения Крыма. Так, например, рассказывая об употреблении местными жителями в пищу конины и кумыса, он не вдаётся в подробности приготовления блюд из конского мяса и напитка из кобыльего молока, как это делают многие европейские повествователи [24, с. 478–479; 28, с. 72–75], не объясняет этот этнографический атрибут особенностями жизни татар, но связывает его исключительно с традициями ислама. В тексте со ссылкой на «информантов»-мусульман приводится пересказ одного из хадисов о разрешении мусульманам употреблять в пищу конину и кобылье молоко¹³, при этом услышанный рассказ в редакции составителя свода обладает жанровыми чертами повествований о явлениях святых и чудесах христианских святынь:

«Повѣдую(т) ўбо турки і тагарове, коєа́ рáди вины ко(н)скїа маса́ ядáть: Блудáщи(м) намъ нѣкогда по пустыни і о(т) глáда и жáжди вельмї ізнемогши(м), явїса́ намъ Магме(т) повелѣваа́ кобылы дойти і млеко(м) питáтиса: О(т) млека́ же і маса́ ко(н)скїа снѣдáйте. І о(т) тогò врѣмене закóн прїяхо(м) о(т) Магмѣта снѣдáти кóнскїа маса́» (л. 92–92 об.).

Несомненной ценностью обладают имеющиеся в тексте *сведения по антропонимике*, которые довольно редко встречаются в рассказах путешествен-

¹³ Любопытно, что подобное объяснение этого гастрономического обычая мусульман встречается только в записках Эвлии Челеби, но там упоминание хадиса обосновано контекстом полемики об отношении к этой пище мусульман разного толка [42, с. 6–7].

ников¹⁴. Автор приводит татарские мужские и женские имена в главах 4-й «Сказаніе о (с)ваты(х) лю(д)» и 5-й «Дѣ(в)стве(н)на(г) звѣніа іменѧ» непосредственно перед рассказом о могиле пророка Мухаммада; его именем начинается и мужской ряд ономастикона: «Магмѣтъ пойгомьбѣрь – се-гò ісповѣдую(т) вмѣсто Сына Божїа» (лл. 88 об.–89).

С вероисповеданием крымских мусульман связаны и рассказы о ритуалах, сопровождающих два важнейших события в жизни человека – бракосочетание и смерть. Смерть и похоронный ритуал, обряды, относящиеся к заключению брака, в той или иной степени описаны и в других нарративах, особенно монахов-миссионеров, уделявших наибольшее внимание именно жизни и быту населения Крыма и фиксировавших свои собственные наблюдения [24, с. 479, 482; 28, с. 78–80]. В своде Прохора Коломнятина рассказ о погребении вписан в лексемный ряд главы 7-й «Сказаніе о ра(з)лічны(х) скорбе(х)» (лл. 96–97). Погребение по мусульманскому обряду описано подробно, с воспроизведением ритуальных молитв («Приве(з)ши к могиле пою(т) на(д) нѣмъ погребѣніе сіце. Пòпъ начинѧ(т) высочайшимъ гласо(м): «Алла́гъ ікөөръ». Дьячòкъ: «Лайла́ги лельло́гъ»; сіе пѣнїе(м), і пою(т) сіе до треїò»). При этом служители, исполняющие обряд, названы христианскими наименованиями: тело омывает «отец духовный», обряд совершают «поп» и «дьячек». В конце описания приводится догмат о воскресении, изложенный согласно вероучению мусульман («І тако поста́ва(т) єгò в могилу, єйже іма ўрь, і внúтьрь могилы погребѧтель обрати(т) умѣршему лицѣ протїву полúдни, чѧ́лъ воскресѣніа, мѣртвы(м), о не(м)же глаголю(т): В послѣдній день Божїи(м) повелѣнїемъ всѣ мѣртвыѣ востану(т) о(т) полúде(н)наго вѣтра. Нога́ми кладúтсѧ тако(ж) на во(с)»). Таким образом, в этом описании соединяются личные наблюдения повествователя и сведения об исламе, почерпнутые из рассказов местных жителей.

В главе 8-й «Сказаніе о родослòвій» приведено очень необычное и не имеющее аналогов в других памятниках описание сватовства:

«Хотѧй женїтисѧ поѣмле(т) с собòю попѧ і свѧго(в) і приходи(т) в дò(м), идѣже невѣста, і тú любòе(т) невѣсту, і невѣста женихѧ. І пото(м) во о̀собнòую храмину о(т)вòда(т) невѣсту, ў тоѧ же хорòмины по(д)лѣ̀òкнѧ сдѣлаю(т) жениху крава(т), і тú жени(х) всегда приходиа спи(т), і бывѧеть сіе мнòгое врѣмѧ. Пò времени же жени(х) дѧсть по(д)кupu стражy при(д)вѣрному, да єгò внúтьрь храмины пúсти(т), і тѧмо невѣсте насїліе сотвори(т). Тєгда ўразумѣ(т) невѣста, ѧко чрѣво єа̀ росте(т), і скаже(т) стражy при(д)вѣрному, і о(т)цỳ і матери скаже(т), ѧко брюхѧта, і тогда всѧ потребнаа устройе(т) к сва(д)бѣ, єйже іма тоѧ. Тако же і жени(х) пригото́влѧтсѧ. Пò времени же тѣсть пришле(т) к жениху, рече(т), ѧко в сїй іліи во о(н) день сва(д)бу іграй, і бывае(т) тако. І жени(х) прї вечерѣ прїйде(т) к тѣстю в гости(н)ницу со мнòгими лю(д)ми, іс гости(н)ницы пре(д) враты дворòвыми стрѣти(т) єгò жѣньскїй по(л) і поиму(т) єгò на ўготòванное мѣсто к сово(ку)плѣнїю с невѣстою. Во ўтрїй (ж) день паки о(т)хòди(т) в дòмъ свòй, і пребывѧю(т) в весѣлій вѣсь день. Пò времени же поиму(т) жєнь невѣсту, і посада(т) во ўготòваннòую к томỳ телѣгу, і повезу(т) єа̀ сѧми к жениху, і тѧмо

¹⁴ Мужские («площадного люда») и женские имена приведены в записках Эвлии Челеби [42, с. 71–72].

тако(ж) же(н)скій по(л) чéстно встрѣта(т), і ѿмь чéсть во(з)да́вь, о(т)пу́ста(т) па́ки в до(м), о(т)нудуже б́ша. І та́ко настои(т) чи(н) сва(д)бѣ. Аще не по(д)купи(т) жени(х) стража́ і насіліа невѣсте не сотвори(т), то́ ника́ко по́йме(т) ю́».

Сведения о том, что обязательным условием для свадьбы является потеря невестой невинности до обряда и ее беременность, на первый взгляд, представляются совершенно абсурдными. Но эти ошибочные сведения имеют реальное объяснение. Так составитель свода изображает предшествующий свадьбе обычай ночных посещений невесты женихом во время длительного (иногда до нескольких лет) периода сватовства и собирания калыма. Этот обычай подробно описан на основании более поздних этнографических материалов Крыма известным исследователем крымской культуры Г.А. Бонч-Осмоловским. Обычай, названный им «вольными отношениями», подразумевал разрешение внешне тайных от отца, иногда и матери, а на самом деле регламентированных свадебным обрядом, свиданий жениха и невесты в ночное время, иногда и разрешение жениху ночевать в комнате невесты. Во время таких посещений допускались некоторые эротические игры, которые, тем не менее, не должны были доходить до совершения полового акта, хотя в реальной жизни это условие не всегда выполнялось [6, с. 29–35]. Таким образом, описанные Прохором Коломнятином события имеют определенное достоверное толкование. Несомненно, акценты в повествовании об этом обычае, не имевшем аналогов в славянских свадебных обрядах и оттого казавшимся совершенно неприемлемым, были смещены. Рассказ, по-видимому, был услышан им от местных жителей или, что более вероятно, от его пленных соотарищей, так что реалии обычая дошли до нас, пройдя через несколько этапов устного бытования¹⁵. Тем не менее, подтверждение этих сведений материалами XIX в. делает сообщение тюркского свода ценным источником по этнографии средневекового Крыма.

Прохор Коломнятин приводит также сведения о двух праздниках:

В гл. 20 упоминается тюркский праздник начала Нового года *науруз байрам*, в котором повествователь, конечно же, видит аналог христианской Пасхи:

«Бію́къ баера́мъ кызы́ль ѿму́рта – (т) вели́кій пра(з)никъ Кра́сныхъ яйца. В сій день патріа́рхъ цара́гра(д)скі́й прино́ситъ кра́сныя яйца царю́ ту́рскому́ і к бола́ромъ»¹⁶.

И здесь же назван по-татарски праздник начала Нового года по юлианскому календарю, совпадающий с православным днем памяти св. Василия Вели-

¹⁵ Возможно, в описании свода сочетаются элементы и мотивы из разных источников. Сообщение о том, что комнату невесты охраняет стражник, может быть вкраплением из какого-то другого рассказа; подобная параллель обнаруживается, например, в 61-й главе «Путешествий» Иоганна Шильтбергера, где описана грузинская свадьба: «...В назначенный для свадьбы день невесту приводят с песнями к постели и кладут ее на онаю. Затем приближается жених с молодыми людьми, держа в руке обнаженный меч, и ударяет им по постели, пред которою садится потом с товарищами и с ними пирует, поет и пляшет. По окончании пира они раздевают жениха до рубахи и удаляются, оставляя новобрачных наедине в комнате, к дверям которой является брат или кто-нибудь из ближайших родственников жениха, чтобы сторожить с обнаженным мечом...» [29, с. 109–110].

¹⁶ Традиция красить яйца на *науруз байрам* упоминается у Федота Котова: «... и по домам разоидутся и не торгуют ничем, толко на маидане всякие игры и тамаша делают, и красными яйцы биются, и в руках носят, и друг у друга руки целуют...» [38, с. 47].

кого: «Біюкъ баєра́мъ ба́шгіль – (т) Вели́кій пра́зникъ, глава́ го́ду. Сїе́ реку(т) Васи́ліа Вели́каго де(н), понѣ́же ѝ го(д) начина́ютъ сь се́го днѣ» (л. 116).

Сведения по географии и гидрографии Крыма помещены ближе к концу словарного свода. В гл. 24 описываются реки: Днепр, Волга и Двина, а также местности, через которые они протекают. Упоминаются в качестве отдельных крепостей «Учаков град» (Очаков) и «Ян Кирьмень» (Джан-керман), по словам автора, построенные по приказу калги Шахин-Гирея (ок. 1585–1641). Автор сообщает, что для защиты от казаков между крепостями были натянуты через Днепр железные цепи, но не скрывает, ссылаясь на устный источник («Повѣдую(т) ўбо бѣвшій тамо ...», л. 121), что лично не видел описываемых объектов¹⁷.

Следующие две главы, 25-я и 26-я, посвящены путям, которыми можно добраться в Крым из русских земель. Поскольку ни в одном случае автор не говорит, откуда он получил эти сведения, можно предположить, что сам он был доставлен на полуостров одним из указанных маршрутов. В первой главе большее внимание уделено гидрографии: приводятся названия рек с их русскими эквивалентами. Многие названия относятся уже непосредственно к Крыму, а некоторые, как, например, «Зиньшке су – (т) Тонкия воды» (Цениске – Арабатская стрелка; речь идет, по-видимому, о Геническом проливе) – по факту не являются реками. Упоминается город «Старой Цареборисовъ» (Царев-Борисов) – пограничный пункт во владениях русских царей, причем его местоположение названо сравнительно точно. Автор указывает на возможность добраться «о(т) Тора-рѣки до Перекопи» за 35 дней при езде по суше, минуя Арабатскую стрелку. Другой описанный путь в Крым начинается от Азова и следует через Тамань и Керчь в Кафу и Арабат. Он также рассчитан в основном на движение по суше и предполагает только одну переправу – из Тамани в Керчь. Указанные автором расстояния относительно точны: в случае с Арабатом и Кафой указана в полтора раза большая удаленность их друг от друга, по сравнению с реальной. Впрочем, неточности в расстояниях могут быть связаны с маршрутами, которыми следовал автор. Сам он, называя расстояние между Перекопом и Керчью в 27-й главе, отмечает: «Сїа мѣра длино́ю прамо́ю доро́гою мѣньше буде(т), а попере́гъ о(т) Чорнова мо́ра до Кісло́ва коне(м) день ѣзду» (л. 124 об.). В этой же главе автор при-

---

¹⁷ Гийом Боплан сообщает более точные сведения. В частности, он говорит, что находящийся под контролем турок Очаков «лежит в устье Днепра и по-турецки называется Джанкрименда (Dziankrimenda)». Он отмечает, что этот город, имеющий только якорную стоянку, является базой для галер, охраняющих устье Днепра. В качестве оборонительных сооружений, построенных на противоположных берегах, Боплан называет «два города, расположенные друг против друга на склонах, хорошо защищенные с юго-запада до севера и северо-запада» [7, с. 199]. Но в отличие от автора словарного свода никаких сведений о цепях через реку между этими укреплениями французский автор не приводит. Возможно, в этих сведениях Прохора Коломятина отразились предания, донесшие представления о таких заграждениях на входе в залив Золотой Рог в Константинополе, (упом. в 717 г. в начале правления Льва III Исавра) или о Босфорских цепях – византийской системе заграждения от вторжения вражеских кораблей из пролива Босфор в Мраморное море, сооруженной ок. 1170 г., в правление императора Мануила I Комнина. С другой стороны, возможно, так отражены услышанные автором свода рассказы о мощных укреплениях крепости Кодак, заложенной в 1635 г. по плану Гийома Боплана для защиты от морских набегов казаков [7, с. 419].

водит расположение различных городов Крыма относительно друг друга и также указывает расстояния между ними. При этом его описания, несмотря на общую точность, не лишены некоторых ошибок, которые едва ли допустил бы человек, лично путешествовавший по описываемой местности. К примеру, для него тождественны топонимы «Крым» и «Корсунь» – под таким названием он приводит населенный пункт, отстоящий от Кафы на 20 верст. Очевидно, автор имеет в виду Старый Крым, поскольку расстояние от Кафы до Корсуни, т. е. Херсонеса, намного больше¹⁸. Можно отнести эти неточности к несовершенству памяти в том случае, если допустить, что записи велись автором не одновременно с путешествием, а спустя время. Однако также можно предположить, что автор в описываемой местности сам не бывал. В этом отношении параллель нашему тексту составляет «Сказание о некоем старце», где также названные цифровые величины неточны и зачастую недостоверны [18, с. 4–5].

Географическим объектам Крыма в основном посвящены главы 28-я и 29-я. В первой из них перечислены реки, во второй – населенные пункты полуострова. Названия некоторых рек (прежде всего тех, которые легко передать по-русски дословно) снабжены в словаре русским переводом, у остальных даны только тюркские названия. Пояснения к перечню рек очень кратки: «Сїи рѣки пошлїи о(т) рѳзньхъ мѣсть и (з) гѳ(р) бли(з) Чѳрнова мѳрл, шлїи попереѳь Крымскїа страны, вплїи всїи в Кїслѳе мѳре. Большѳй Карлсовѳ рѣка и Малѳй сошлїи вмѣсте, на ѳсть х Кїслѳому мѳрю чре(з) рѣку бро(д)» (л. 125)¹⁹. В рассказе о городах кроме их перечисления отмечен столичный статус Бахчисарая²⁰, вновь указана тождественность, по мнению автора, названий «Крым» и «Корсунь». Но наибольшее внимание уделено описанию города-крепости «Чухѳут кала» (Чуфут-Кале), которое служит, по словам автора, местопребыванием опальных послѳв. Довольно точно указана ее удаленность от Бахчисарая – две версты. Кроме того, автору известно, что часть территории Крыма находилась под прямым контролем султана. В качестве подвластных османам городов «на крымской же странѳ» названы Керчь, Кафа, Темрюк и Тамань²¹.

¹⁸ Точно такое же расстояние между Крымом и Кафой приводит Д'Асколи: «Крымской *Tataria* называется от древнего города *Крыма* (*Crim*), ныне разрушенного. Приблизительно в 20 милях от *Каффы* стоят почти в целости стены этого города» [26, с. 105]. Но описание города у Д'Асколи этим не ограничивается и приводит еще множество сведений, относящихся к этому городу, в частности, говорит о традиции захоронения ханов в Старом Крыму.

¹⁹ По числу названных рек «Книга Элихв» превосходит «Описание» Жана де Люка, который говорит следующее: «Эта страна (Малая Татария. – *М.К.*, *Н.С.*) заключает в себе равнины, очень прохладные, так как они открыты и ничем не защищены. В ней течет четыре реки, впрочем, не очень великие, исключая Экси (по Н.Н. Мурзакевичу, Озу, т.е. Днепр. – *М.К.*, *Н.С.*), которая протекает вне полуострова и протекает выше Перекопа... Что касается других рек, то их без труда можно перейти вброд, только не во время половодья. Одна из этих речек называется Алма, другая – Кабарда, третья – Бие-сула или Кача (*Cacia*), четвертая – Кара-су...» [24, с. 476].

²⁰ В отличие от автора «Книги Элихв», Д'Асколи приводит подробное описание не только Бахчисарая, но и семи других крупных городов Крыма: Кафы, Гѳзлеве, Кара-су[базара], Балаклавы, Мангула, Керчи (Воспро) и Перекопа [26, с. 117–122].

²¹ Д'Асколи помещает на этот счет более обширные сведения: «... *Tataria* подвластна татарину и турку, которому принадлежит *Каффа* и почти все побережье до *Юзлеве*,

Остальные сведения свода касаются уже других территорий и, по сравнению с описаниями Крыма, они гораздо менее точны. Учитывая большую путаницу с переводом топонимов при описании ближневосточных территорий, можно сделать вывод, что информанты автора «Книги Элихв», также не были хорошо о них осведомлены и перемежали рассказы о реальных городах с бытующими в их среде легендами. Свидетельством тому рассказ о двух вымышленных географических объектах, помещенный в 31-й главе: о турецкой столице – городе «Усман» и о царстве «Алты(н) Алматерекъ»:

«Усма(н). Сіе тұрская столица. Егда же ту(р)ский царь обладà греческим ца(р)ство(м), и о(т) того времени нарицаются ўсманьлы, бѣ бо первіе слыли ўсмань по первой своей столицѣ. Усмань о(т)стои(т) о(т) Иеросалима на полуде(н)ную страну, якоже о(т) Царьграда до Иеросалима. Теліко си(х) обои(х) путей, толико о(т) Усмани до царства Алты(н) Алматерекъ – (т) Златая яблань. О семь ца(р)ствѣ тұрскій царь рече: Аще бы во(з)могль побѣдѣти сіе ца(р)ство, то бы вси живущій на зе(м)ли царі і королі покорны были мнѣ, и вси бы да(н) довали» (л. 131 об.).

Если в первом случае налицо чистая метонимия – город назван именем первого правителя независимого Османского государства, то во втором случае перед нами отголоски легенды о статуе императора Юстиниана I в Константинополе, держава в руках которого, как потом и сама статуя, получили и у византийских хронистов, и в мусульманской традиции название «красного» или «золотого яблока» и стали символом господства и власти над миром²².

В целом, описывая географию Крыма, автор «Книги Элихв» мало отвлекается на другие темы. Здесь нет, как у Д'Асколи или Жана де Люка, подробных рассказов об упоминаемых городах, о занятиях их жителей, производстве местных товаров и особенностях торговли.

Рассказ о Святой Земле

Свод Прохора Коломнятина, при всех его особенностях, полностью соответствует традициям литературы Древней Руси, в которых автор был весьма сведущ. Даже название памятника ориентировано, судя по всему, на древнерусские тезаурусы-азбуковники, сохранившиеся во множестве списков и редакций и имевшие обычно название «Сия книга глаголемая Алфавит» или «Алфавит азбучный». Именно поэтому он завершает свои записи обычным и почти обязательным для записок русских путешественников, паломников и пленников рассказом о посещении Святой Земли. Одна из последних глав свода, 30-я, названа «Сказаніе о пути ко Иеросалиму і о со(з)даній церкви». Несмотря на то, что название ориентировано на жанр «хождений», прямого отношения к этому жанру текст не имеет, и, судя по характеру описанных здесь реалий, автор не выезжал за пределы Крыма, а в основе его повествова-

---

достояние хана, т.е. бывшие генуэзские владения. Ими управляет паша, пребывающий в *Каффе*; он назначает в каждый из тамошних городов по одному чиновнику, называемому субаши (Subbassi). Главнейшие города, которыми правит паша, следующие: *Каффа*, *Балуклава*, *Манкопа* (*Мансора*), *Воспро*, *Тамань* или *Матрига* – в *Чиркасии* и далее на расстоянии одного дня пути *Тумрук* (*Timruch*); ему подчиняется также *Азак* или *Тана*, но там особое управление, и *Порта* назначает туда бея, ничего общего не имеющего с пашой. В управлении паши состоят более или менее крупные селения, и все его подвластные – греки, по большей части вероотступники, по собственному беспутству» [26, с. 113–114].

²² Подробнее об отражении легенды в своде Прохора Коломнятина см. [31, с. 493].

ния лежат устные рассказы местных паломников или проводников. В начале главы кратко сообщается о пути из Константинополя в Иерусалим через Средиземное море («хóду дóброю погóдою 3 не(д)ели») и далее «сухим путем» через страну «черных арапов», «белых арапов» и «богатую Индию». Весь путь исчисляется по времени в 10 месяцев. Дальнейшее повествование о мнимом паломничестве представлено двумя сюжетами: рассказом о строительстве Храма Соломона, основанном на апокрифах о крестном древе, и рассказом о схождении Благодатного огня. В основе обоих рассказов лежат устные источники. Изложению апокрифа о крестном древе присущи смешение славянских, западноевропейских и восточных мотивов. Записывая предание, услышанное от местных (крымских) паломников, автор наложил сюжет на известный ему по славянской традиции вариант апокрифа²³. Текст апокрифа сведен к сюжету строительства Храма царем Соломоном, что в контексте восточной паломнической традиции совершенно объяснимо, поскольку именно Храм Соломона – единственная святыня Иерусалима, которая как святилище Единого Бога-Творца почитается иудеями, христианами и мусульманами. В рассказе о создании храма талмудические легенды и библейские сюжеты переплетаются с христианской символикой и толкованиями.

Второй сюжет, характерный для паломнической литературы, который записал составитель свода, – повествование о схождении Благодатного огня. Рассказ этот вполне традиционный, но наряду с общими для описания паломников-христиан реалиями (служба Иерусалимского патриарха, чудесное схождение Благодатного огня, возжигание свечей и раздача огня верующим), в тексте описаны и детали, не известные по другим источникам (о построении Храма Гроба Господня Соломоном или об омовании лиц верующих воском от свечей, зажженных от Благодатного огня.). Возможно, истоки рассказа об омовении воском вместо традиционного описания омовения присутствующими в храме лица и рук «нежегомьм» огнем следует искать в народной обрядовой традиции, в том числе паломников-мусульман. С другой стороны, здесь, как и в рассказе о свадебном обряде, возможно, проявилась некая аберрация памяти, вызванная устным многоэтапным воспроизведением рассказа о чудесном явлении. Отметим, что неточность изложенных деталей сюжетов, традиционных для паломнической литературы, также роднит наш текст со «Словом о некоем старце».

Прохор Коломнятин нигде не называет цели создания свода, в то время как авторы других нарративов нередко прямо пишут о причинах, побудивших их к творчеству в самих текстах²⁴ или, как, например, Мартин Бронев-

²³ Текст памятника издавался неоднократно, наиболее последовательную классификацию списков и издание редакций апокрифа см. [20: 35–55]; анализ варианта апокрифа в своде Прохора Коломнятина см. [31, с. 495–497].

²⁴ Константин Михайлович в гл. XVIII «Записок» недвусмысленно формулирует посыл своего труда: сподвигнуть христианских правителей на сопротивление туркам, сдерживание османской экспансии: «И потому и папа, и римский король, если будут долго взирать на это насилие и пролитие христианской крови, сами будут в ненадежном положении, ибо они сами будут виновниками гибели всей веры, от которой зависит все христианство; они могли бы с божьей помощью поднять христианство Римской империи и столицу, которой был Константинополь, освободить от поганых» [11, с. 58]. Более того, в гл. XLI приводится руководство по тактике ведения боя против турок [11, с. 104–106]. Боплан уделяет значительное внимание описанию татарского войска и его тактики [7,

ский, в посвящениях и предисловиях к их изданиям [23, с. 366–367]. Составитель словарного свода наблюдает жизнь чужого ему народа – чужого во всех смыслах: по языку, укладу жизни, религии. Вполне естественно поэтому, что, описывая жизнь крымского населения, в первую очередь мусульман, он пытается не только отразить те реалии бытия, в которых он оказался, но и объяснить отличия от привычных для него верований и обычаев. Однако он далек как от идеализации увиденного и услышанного, так и от демонизации чуждого мира, избегает каких-либо прямых оценочных суждений и никогда не поясняет, почему решил сообщить те или иные сведения, почерпнутые им из неоднородных по статусной, этнической и религиозной принадлежности источников²⁵. И в этом смысле тюркский свод Прохора Коломнятина, во многом соприкасаясь с известными нарративами средневековой традиции, повествующими о Крыме, представляет собой особый памятник, в котором не только сохранилась живая речь основной части крымского населения, но который включает в себе и своего рода обобщенную надэтническую и надрелигиозную «народную память» о реалиях и событиях крымского дискурса периода Османского влияния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подготовка текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука; ЛО, 1971. 276 с.
2. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Академик В.В. Бартольд. Сочинения. Т. 9. Работы по истории востоковедения / Отв. ред. А.Н. Кононов. М.: Наука; ГРВЛ, 1977. С. 197–482.
3. Белоброва О.А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л.: Наука; ЛО, 1972. С. 257–272.
4. Бережков М.Н. Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса: Тип. А. Шульце, 1888. 31 с.
5. Блохин В.С. Отношение к вероучению Армянской Апостольской Церкви в русской церковной литературе до середины XIX в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. №1 (29). С. 112–129. DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10106
6. Бонч-Осмоловский Г.А. Брачные обряды татар горного Крыма // Известия Государственного русского географического общества. Т. 58. Вып. 1. М.; Л., 1926. С. 21–61.
7. Боплан, Гийом Левассер де. Описание Украины / Пер. с фр. З.П. Борисяк; ред. перевода А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.; ил.
8. Витсен, Николаас. Северная и восточная Тартария. Т. 1–3. Amsterdam: Pegasus, 2010. 1816 с.

с. 227–237]. Что касается «Книги Элихв», то в ней, несмотря на внимание автора к структуре военных чинов султанской армии и их вооружению, отсутствуют какие бы то ни было повествовательные вставки на военной тематики.

²⁵ Ср. описание праздников в Иране у Федота Котова: «И всего в персидской земли четыре праздника, а что про них писано и то им не на славу, но на укоризну, и понос, и на пагубу им! <...> А сказывают, что в пятницу Бахмет родился того для и празднуют еженедель, ему на вечный огонь, и на бесконечную муку, и на понос, и на укоризну» [38, с. 54]. Константин Михайлович тоже называет пятницу праздничным днем в исламе, но приводит другое описание, якобы со слов мусульман: «Мы потому ее празднуем, что бог в пятницу сотворил человека» [11, с. 36].

9. Григорьев А.П. Второй выпуск перевода на русский язык «Книги путешествия» // Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века): Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979. С. 5–22.

10. Демин А.С. Диалог «Школьное благочиние» Прохора Коломнятина // Памятники культуры. Новые открытия : Ежегодник. 1975. М.: Наука, 1976. С. 48–51.

11. Записки янычара / Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Введ., пер. и комментарии А.И. Рогова. М.: Наука, 1978. 136 с. (Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы).

12. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции / Собрал и издал А. Попов / (Приложение к Обзору Хронографов русской редакции). М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1869. ii + 541 + [6] с.

13. Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л.: Наука; ЛО, 1989. 293 + [2] с.

14. Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л.: Наука, 1975. 351 с.

15. Кошелева О.Е. Как сочинять послания в виршах? «Уроки» Прохора Коломнятина (1680-е гг.) // Человек читающий: Между реальностью и текстом источника. М., 2011. С. 283–316.

16. Лавров А. «Полоняники» как социальная группа. Правовой статус и интеграция бывших военнопленных в Московском государстве // Cahiers du monde russe. 2010. 51/2–3. P. 241–257.

17. Лавров А.С. Военный плен и рабство на границах Османской империи и Российского государства в 17 – начале 18 века // ГИИМ. Доклады по истории 18 века – ДНН Moskau: Vortrage zum 18. Jahrhundert. 2010. Nr. 5. С. 1–18. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00011447 (дата обращения: 19.10.2020).

18. Лопарев Х. Слово о некоем старце. Вновь найденный памятник русской паломнической литературы XVII века. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1890. 55 с. (Сборник отделения русского языка и словесности. Т. 51. № 2).

19. Лучицкая С.И. «Жизнь Магомета» Эмбрико Майнцского: легенда и история // От текста к реальности: (Не)возможности исторических реконструкций. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 25–70.

20. Милтенова А. Текстологически наблюдения върху два апокрифа. (Апокрифен цикъл за кръстното дърво, приписан на Григорий Богослов, и апокрифа за Адам и Ева) // Старобългарска литература. Кн. 11. София, 1982. С. 35–55.

21. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Пер. В.И. Матузовой. Отв. ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Изд-во МГУ, 1994. 151 с.

22. Мордовцев Д. О русских школьных книгах XVII века. М.: Университетская тип., 1862. [2] + 102 с.

23. Описание Крыма (Tartariæ Descriptio) Мартина Броневского / Пер. с лат. И.Г. Шершеневича; прим. Н.Н. Мурзакевича // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса: Гор. тип. сод. Х. Алексомати, 1867. С. 333–367.

24. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де-Люка, монаха Доминиканского ордена (1625) / [Пер. с фр. П. Юрченко] // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 11. Одесса: Франко-Русская тип. Л. Даникана, 1879. С. 473–493.

25. Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века / Под ред. П.А. Сырку // Православный Палестинский Сборник. Т. 10. Вып. 3 (30). СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1890. С. i–xli, 1–44.

26. Описание Черного моря и Татари, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татари и проч. 1634 г. / перев. Н.Н. Пименова, при-

меч. А.Л. Бертье-Делагарда // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 24. Одесса: «Экономическая» тип. и литография, 1902. С. 89–180.

27. *Писарев С.П.* Путешествие Людвига Римлянина по Африке и Азии 1493 года // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 5. 1881. Август. С. 935–936.

28. *Плано Карпини, Иоанн де.* История монгалов. *Рубрук, Вильгельм де.* Путешествие в восточные страны / Введ., пер. и прим. А.И. Малеина. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. 232 с.

29. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 года по 1427 год. / пер. и примеч. Ф. Бруна // Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 1. Одесса: Тип. Л. Нитчк., 1867. v + 156 с.

30. *Решетова А.А.* Эсхатологические мотивы в «Слове о некоем старце», памятнике паломнической литературы XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1 (15). С. 66–80.

31. *Савельева Н.В., Козинцев М.А.* Тюркско-русский словарный свод в сборнике инока Прохора Коломнятина 1668 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 67. СПб., 2020. С. 468–552.

32. *Савельева Н.В.* Неизвестные памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина // Русская литература. 2019. № 3. С. 54–63. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-54-63

33. *Савельева Н., Муллонен И., Федюнева Г.* Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 г. // *Linguistica Uralica*. 2021 (в печати).

34. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб.: Б. и., 1887. [2] + v + xxxv + 772 с.

35. *Таки В.* Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 320 с.; ил. (*Historia Rossica*).

36. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1884.

37. Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова 1701–1703 / Издание подготовили Л.А. Ольшевская, А.А. Решетова, С.Н. Травников. Отв. ред. А.С. Дёмин. М.: Наука, 2008. 672 с. (Литературные памятники).

38. Хожение купца Федота Котова в Персию / Публ. Н.А. Кузнецовой; Отв. ред. А.А. Кузнецов. М.: ИВЛ, 1958. 112 с. (Русские путешественники в странах Востока).

39. *Храпунов Н.И., Храпунова С.Н.* Записки Джона Смита как источник по истории Крымского ханства в начале XVII в. // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 151–168.

40. *Храпунов Н.И., Храпунова С.Н.* Известия о Крыме у Франческо Альгаротти // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 612–628. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.612-628

41. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Часть 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / Ред.-сост. М.А. Араджони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. 768 с.; ил. (Этнография Крыма).

42. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия: Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века / пер. с осман. яз., вступ. статья и комм. Е.В. Бахревского. Симферополь: Медиацентр, 2016. 311 с.; ил.

43. *Baski I.* Crimean Turkic-Tatar glossary from the 17th century // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 1986. Т. 40 (1). P. 107–172.

44. *Tischendorf, K. von.* Evangelia apocrypha. Leipzig: Avenarius und Mendelssohn, 1853. lxxxviii + 465 p.

Сведения об авторах: Марк Альвиевич Козинцев – аспирант, младший научный сотрудник Института восточных рукописей Российской академии наук (191186, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, Российская Федерация); тьютор департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург (190068, наб. Канала Грибоедова, 123, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: m.kozintcev@mail.ru

Наталья Вячеславовна Савельева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (199034, наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: n.v.savelieva@inbox.ru

Поступила 5.06.2021 Принята к печати 18.10.2021

Опубликована 29.12.2021

REFERENCES

1. *Barbaro and Contarini about Russia. To the History of Italian-Russian Relations in the fifteenth century.* Skrzhinskaya E.Ch. (tr.). Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1971. 276 p. (In Russian)
2. Bartol'd V.V. History of Oriental studies in Europe and Russia. *Academician W. Barthold. Works*, Vol. 9: *Works on the History of Oriental Studies.* Kononov A.N. (ed.). Moscow: Nauka, 1977, pp. 197–482. (In Russian)
3. Belobrova O.A. Features of the genre of *khozhenie* (travel notes) in some ancient Russian written monuments of the seventeenth century. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature.* Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1972, vol. 27, pp. 257–272. (In Russian)
4. Berezhkov M.N. *Russian Captives and Slaves in Crimea.* Odessa: Tip. A. Shul'tse, 1888. 31 p. (In Russian)
5. Blokhin V.S. Attitude to the doctrine of the Armenian Apostolic Church in Russian church literature until the middle of nineteenth century. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary.* 2020, no. 1 (29), pp. 112–129. DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10106 (In Russian)
6. Bonch-Osmolovskiy G.A. Marriage rites of Tatars of the mountainous Crimea. *Proceedings of the State Russian Geographical Society.* Moscow; Leningrad, 1926, vol. 58, iss. 1, pp. 21–61. (In Russian)
7. Guillaume Levasseur de Beauplan. *Description of Ukraine.* Borisyuk Z.P. (tr.), Khoroshkevich A.L., Yushchenko E.N. (eds). Moscow: Drevlekhranilishche, 2004. 576 p. (In Russian)
8. Nicolaes Witsen. *North and East Tartary.* Vols. 1–3. Amsterdam: Pegasus, 2010. 1816 p. (In Russian)
9. Grigor'ev A.P. The second issue of the Russian translation of the “Book of Travel”. *Evliya Çelebi. The Book of Travel. (Extracts from the essay by the Turkish traveller of the seventeenth century.) Translation and Commentary*, Iss. 2: *Lands of the North Caucasus, the Volga and the Don Regions.* Moscow, 1979, pp. 5–22. (In Russian)
10. Demin A.S. The “Shkol'noe blagochinie” by Prokhor Kolomniatin. *Monuments of Culture. New Discoveries: Annual.* 1975. Moscow: Nauka, 1976, pp. 48–51. (In Russian)
11. *Notes of a Janissary. Written by Konstantin Mikhaylovich from Ostrovitsa.* Rogov A.I. (tr.). Moscow: Nauka, 1978. 136 p. (In Russian)
12. *Compendium of Slavic and Russian Writings Recorded in the Russian Version of Chronographs. (Addendum to the Review of the Russian version of Chronographs).* Popov A. (ed.). Moscow: A.I. Mamontov and K^o, 1869. ii + 541 + [6] p. (In Russian)
13. Kovtun L.S. *Azbukovnik Miscellanies of the sixteenth and seventeenth centuries. Elder Variant.* Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1989. 293 + [2] p. (In Russian)

14. Kovtun L.S. *Lexicography in Muscovite Rus' of the sixteenth and early seventeenth century*. Leningrad: Nauka, 1975. 351 p. (In Russian)

15. Kosheleva O.E. How to compose messages in verses. "Lessons" of Prokhor Kolomnyatin (the 1680s). *Reading Person: Between Reality and the Text of the Source*. Moscow, 2011, pp. 283–316. (In Russian)

16. Lavrov A. Former captives (polonianiki) as a social group in Muscovy: Their legal status and the realities of their reintegration. *Cahiers du monde russe*. 2010, vol. 51/2–3, pp. 241–257. (In Russian)

17. Lavrov A.S. Military captivity and slavery on the borders of the Ottoman Empire and the Russian state in the seventeenth and early eighteenth century. *Deutsches Historisches Institut Moskau: Vortrage zum 18. Jahrhundert*. 2010, no. 5, pp. 1–18. Available at: https://www.perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00011447 (accessed: 19.10.2020).

18. Loparev Kh. *A Word about an Old Man. Newly Found Monument of Russian Pilgrimage Literature of the seventeenth century*. St. Petersburg: Tip. Imp. Akademii nauk, 1890. 55 p. (In Russian)

19. Luchitskaya S.I. Embrico of Mainz's "Vita Mahumeti": legend and history. *From Text to Reality: The (Im)possibilities of Historical Reconstructions*. Moscow: IVI RAN, 2012, pp. 25–70. (In Russian)

20. Miltenova A. Textual observations on two apocrypha. (Apokryphal cycle for the tree of the cross, attributed to Gregory the Theologian, and the apocryphal story of Adam and Eve). *Old Bulgarian Literature*. Book 11. Sofia, 1982, pp. 35–55. (In Bulgarian)

21. Mikhalon Litvin. *On the Mores of the Tatars, Lithuanians and Muscovites*. Matuzova V.I. (tr.), Khoroshkevich A.L. (ed.). Moscow: Izd-vo MGU, 1994. 151 p. (In Russian)

22. Mordovtsev D. *On the Russian School Books of the seventeenth century*. Moscow: Universitetskaya tip., 1862. [2] + 102 p. (In Russian)

23. Description of Crimea (Tartariae Descriptio) by Marcin Broniewski. Shershenevich I.G. (tr.). *Proceedings of the Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa: Gor. tip. sod. Kh. Aleksomati, 1867, vol. 6, pp. 333–367. (In Russian)

24. Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrelians and Georgians by Jean de Luc, a monk of the Dominican Order. Yurchenko P. (tr.). *Proceedings of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa: Franko-Russkaya tip. L. Danikana, 1879, vol. 11, pp. 473–493. (In Russian)

25. Description of the Turkish Empire compiled by a Russian who was captured by the Turks in the second half of seventeenth century. Syrku P.A. (ed.). *Orthodox Palestinian Miscellany*. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma, 1890, vol. 10, iss. 3 (30), pp. i–xli, 1–44. (In Russian)

26. Description of the Black Sea and Tartary compiled by the monk of the Dominican Order, Emiddio Dortelli d'Ascoli, Prefect of Kaffa, Tartary, etc. 1634. Pimenov N.N. (tr.). *Proceedings of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities*. Odessa: "Ekonomicheskaya" tip. i litografiya, 1902, vol. 24, pp. 89–180. (In Russian)

27. Pisarev S.P. Ludwig the Roman's journey through Africa and Asia in 1493. *Historical Bulletin: Historical and Literary Journal*. 1881, vol. 5, August, pp. 935–936. (In Russian)

28. John of Plano Carpini. *History of the Mongols*. William of Rubruck. *Itinerarium*. Malein A.I. (tr.). St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina, 1911. 232 p. (In Russian)

29. Johann Schiltberger's journeys through Europe, Asia, and Africa from 1394 to 1427. Brun F. (tr.). *Bulletin of the Imperial Novorossiysk University*. Odessa: Tip. L. Nitchk., 1867, vol. 1. v + 156 p. (In Russian)

30. Reshetova A.A. Eschatological motifs in the "Word about an old man": A monument of pilgrimage literature of the seventeenth century. *Ancient Rus'. Problems of Medieval Studies*. 2004, no. 1 (15), pp. 66–80. (In Russian)

31. Savel'eva N.V., Kozintsev M.A. A Turkic-Russian dictionary in the miscellany compiled by the Monk Prokhor Kolomniatin in 1668. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. St. Petersburg, 2020, vol. 67, pp. 468–552. (In Russian)
32. Savel'eva N.V. Unknown monuments of lexicography in the “Tsvetnik” by Prokhor Kolomniatin. *Russian Literature*. 2019, no. 3, p. 54–63. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-54-63 (In Russian)
33. Savel'eva N., Mullonen I., Fedyuneva G. Karelian-Russian and Komi-Zyryan-Russian phrasebook-dictionaries in the manuscript miscellany of 1668. *Linguistica Uralica*. 2021 (in print). (In Russian)
34. Smirnov V.D. *Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte until the beginning of eighteenth century*. St. Petersburg, 1887. [2] + v + xxxv + 772 p. (In Russian)
35. Taki V. *Tsar and Sultan. Russian Encounters with the Ottoman Empire*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 320 p. (In Russian)
36. Tizengauzen V. *Collection of Materials Related to the Golden Horde History, Vol. 1: Extracts from Arabic Writings*. St. Petersburg: Tip. Imp. Akademii nauk, 1884. (In Russian, Arabic)
37. *Journey to the Holy Land of the Moscow Priest, Ioann Lukianov, in 1701–1703*. Ol'shevskaya L.A. et al. (eds). Moscow: Nauka, 2008. 672 p. (In Russian)
38. *Journey of Merchant Fedot Kotov to Persia*. Kuznetsova N.A., Kuznetsov A.A. (eds). Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1958. 112 p. (In Russian)
39. Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. Notes of John Smith as a source for the history of Crimean Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 4, pp. 151–168. (In Russian)
40. Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. Francesco Algarotti's account of the Crimea. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 612–628. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.612-628 (In Russian)
41. *Textbook on the Ethnic History and Traditional Culture of the Crimean Oldtimers, Part 1: Muslims: Crimean Tatars, Crimean Gypsies*. Aradzhioni M.A., Gertsen A.G. (eds). Simferopol: Tavriya-Plyus, 2004. 768 p. (In Russian)
42. Evliya Çelebi. *The Book of Travel: Crimea and Adjacent Regions. (Extracts from the work by Turkish traveller of the seventeenth century)*. Bakhrevskiy E.V. (tr.). Simferopol: Mediatsentr, 2016. 311 p. (In Russian)
43. Baski I. Crimean Turkic-Tatar glossary from the 17th century. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 1986, vol. 40 (1), pp. 107–172.
44. Tischendorf K. von. *Evangelia apocrypha*. Leipzig: Avenarius und Mendelssohn, 1853. lxxxviii + 465 p. (In Latin)

About the authors: Mark A. Kozintcev – Postgraduate student, Junior Researcher of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (18, Dvortsovaya emb., St. Petersburg 191186, Russian Federation); Tutor of the Department of Asian and African Studies, HSE University (123, Kanal Griboyedova emb., St. Petersburg 190068, Russian Federation). E-mail: m.kozintcev@mail.ru

Natalya V. Savelieva – Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (4, Makarov emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation). E-mail: n.v.savelieva@inbox.ru

Received June 5, 2021 Accepted for publication October 18, 2021

Published December 29, 2021